

Василий Аксёнов

ВРЕМЯ НОЛЬ

Василий Аксёнов
ВРЕМЯ НОЛЬ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург
Москва

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6
КТК 610
А 42

*Сохранены особенности
орфографии и пунктуации автора*

Аксёнов В.

А 42 **Время ноль: Роман, повести.** СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2010. – 480 с.

Главный герой возвращается со своей малой родины в Петербург, останавливаясь в одном из сибирских городов для встречи с друзьями. В немногословности сюжета – глубина повествования, в диалогах – характеры, в историях – жизнь и смерть. Проза В. Аксёнова, словно Вселенная, затягивающая своей непостижимой бездной, погружает в тайны души человеческой. Время здесь, образуя многомерность художественного пространства, сгущается, уплотняется и будто останавливается в вечности, линиями прошлого, настоящего и будущего образуя точку схода.

ISBN 978-5-8370-0617-3

www.limbuspress.ru

© В. Аксёнов, 2010
© ООО «Издательство К. Тублина», 2010
© А. Веселов, оформление, 2010

ВРЕМЯ НОЛЬ

Потому что странники мы пред
Тобою и пришельцы, как и все
отцы наши; как тень дни наши
на земле, и нет ничего прочного.

Псалмопевец

Время – это птица, которая украшает
тебя разноцветными перьями, но
которая прилетит забрать своё.

Святитель Николай Сербский

Время похищает всё человеческое и
этим налагает на нас долг взаимно
похищать у него нечто полезное
для жизни вечной.

Викентий Лурийский

Настас-ся Абросимовна.

Это – если по Святцам, буква в букву, конечно же – Анастасия Амвросиевна. Моя бабушка по матери. Урождённая Вторых, *в бабах* Русакова. Вот и прабабушка моя по той же линии в синодик вписана под именем Синклитикия, а при жизни называлась Секлетиньей. И обычно. Слошь да рядом. Будто одно имя, вариант ли его, словно справка, вместо паспорта, чтобы зря тот не трепался и не изнашивался, упрощённое в угоду языку и укороченное для удобства, назначено для повседневности, а другое, полное, – для вечности. Крестили младенца, с полученным свидетельством для обихода уносили его домой, а выданный ему из рук незримого Святого документ

оставляли на хранение до нужного момента в церкви, при отпевании и возвращали. Как будто так вот. Умерла она, Настасья Абросимовна, в сорок один год, *оцинжав*, в только что основанном *на пустолюсье* ими, сорванными насильно с обжитых и родных мест елисейскими крестьянами и казаками, портовом городке Игарка, за Северным полярным кругом, на переселении, далеко от своего и отчего дома, задолго, лет за двадцать, до моего появления на свет. Господи, упокой... даруй ей Царствие Небесное. Хочу написать про неё. Давно собираюсь. Всё настоятельнее с возрастом это желание – теревит душу, сердце щемит. Хоть и мало что о ней, о бабушке своей, знаю. Почти ничего. Только то, что рассказывали, вспоминая и всегда спокойно, размеренно, с удивительным достоинством и уважением друг к другу беседуя между собой, мои родные тётки, дяди и моя мать – её дети, которых было у неё, у Настасьи Абросимовны, одиннадцать. Средней, по возрасту, из них, моей матери – пятеро до неё, пятеро после народилось – сейчас уже без года девяносто. В живых на этот час осталось только трое. И хоть о каждом из одиннадцати пиши по книге: что ни судьба, то... эпопея. Но всё записано у Бога, чем себя и урезоню, заодно, конечно, и утешу. Буквы у Него – звёзды. Глаголы – созвездия. Мысли – галактики. Метеориты и кометы – йоты, знаки препинания. Вселенная – Книга. Почерк вот только нам, неусердным, кажется неразборчивым. Но при старании, усердный, разгадаешь.

Отец Настасьи Абросимовны – и мой, значит, прадедушка – Абросим Иванович Вторых перед отправлением в бесконечное путешествие метрику с верно прописанным в ней именем Амвросий получил на руки вот при каком раскладе дела.